

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Л. И. Никовская

Институт социологии РАН

Поступила в редакцию 30 июня 2014 г.

Аннотация: в статье исследуются противоречивые процессы российской трансформации; показаны проблемы и факторы, тормозящие переход к инновационному типу развития. Одним из факторов, который способен перевести административно-технологический тип трансформации в системную, с акцентом на политическую, выступает гражданское общество, которое становится гарантом и ресурсом системной трансформации в стране.

Ключевые слова: трансформация, инновационный тип развития, гражданское общество, эффективное государство, справедливость.

Abstract: the article discusses the contradictory processes of Russian transformation, problems and factors braked transition to the innovatory type of development are considered. Factor, which takes administrative and technological upgrading in the complex type, with an emphasis on political modernization, acts of civil society, which acts as a guarantor and a resource system transformation in the country.

Key words: transformation, innovatory type of development, effective state, civil society.

Задачи устойчивого развития общества, переживающего процессы политической и экономической трансформации, могут решаться только в рамках «сверхзадачи» создания гражданского общества, правового государства, формирования демократической политической культуры. Общий тренд социально-политической трансформации – многолинейный процесс, не обладающий целостностью эволюции. Эволюция столь сложного и противоречивого феномена не может быть простой и прямолинейной. Тем более, что происходит она как нераздельная часть общего эпохального процесса самоопределения мирового сообщества в условиях обострения противоречий глобализации.

По мнению многих экспертов, в первую очередь социологов, категории модернизации и переходного общества явно не выражают сущности происходящих в России изменений потому, что исторический вектор этих преобразований жестко не предопределен. Наиболее общее понятие, которое свободно от однозначной «векторной нагрузки», – трансформация [1, с. 12]. Концепция трансформации подчеркивает зависимость общественных сдвигов от действий не только верхнего, но и среднего и базового слоев общества, представители которых исходят из собственных интересов и действуют в условиях не вполне сформированной и нежесткой институциональной среды. Главными движущими силами трансформационного процесса являются, с одной стороны, правящая элита с примыкающей к ней бюрократией, а с

другой – социально зрелые, экономически и политически активные представители массовых общественных групп, в первую очередь – средних слоев. Отсюда зависимость его результатов от того, как управленческие меры «верхов» воспринимаются массовыми слоями общества [2, с. 8].

Россия изначально принадлежала (до революции 1917 г.) ко вторичной группе догоняющего развития (наряду с Германией, Италией, Японией и другими странами, начавшими свое ускоренное капиталистическое развитие со второй половины XIX в.). В силу «догоняющего» характера экономического развития *государство* в России выступило инициатором и главным участником формирования государственно-монополистического уклада, а главными субъектами его складывания стали иностранный капитал, высшая бюрократия, группа нуворишей и царский двор. Именно это предопределило некоторую «подвешенность» государственно-монополистического капитализма в России, или, по выражению Н. Симонии [3, с. 22], его «небоскрежный» характер, что означало отсутствие какой-либо значительной социальной «почвы» в его основании, что и обусловило шаткость возведенного здания и ту легкость, с которой его опрокинули в 1917 г. Тенденции «небоскрежного» варианта государственно-монополистического капитализма просматриваются и в современной России.

Социально-экономическую систему, в которой оказалась Россия в результате непоследовательных рыночных реформ, многие исследователи характеризуют как *государственный (бюрократический) капи-*

тализм. Десятки стран Востока в своем догоняющем развитии с объективной неизбежностью прошли фазу бюрократического капитализма, и некоторые из них (Южная Корея, Сингапур, Малайзия, Тайвань и др.) достигли выдающихся успехов. Поэтому вина наших либералов не в том, что они допустили этот самый бюрократический капитализм. Это было неизбежно и началось еще при М. Горбачеве. Вина их была в том, что своей политикой всеобщей либерализации они невольно способствовали формированию наихудшего, наиболее паразитического варианта бюрократического капитализма, олицетворением которого в Азии была сукарновская Индонезия. Главное различие двух вариантов бюрократического капитализма заключалось в *характере* взаимоотношений между верховной властью и бюрократией. В первом варианте верховная власть жестко контролировала деятельность бюрократии, которая выступала инструментом реализации национальной стратегии развития. Во втором из-за слабости и безвольности верховной власти бюрократия оказывается самым свободным классом, использующим свое государственное положение для «первоначального накопления» и личного бизнеса. Старая и пополнившая ее ряды новая номенклатура сразу же воспользовались либерализацией в своих узкокорыстных интересах и начали дележ государственной собственности. Большинство руководящих демократов и либералов, боясь опоздать к разделу «пирога», быстренько вписались в ряды бюрократических капиталистов, в одночасье становясь директорами коммерческих банков, финансовых корпораций и т.д. [там же, с. 23].

Ныне, по мнению экспертов, мы наблюдаем вторую волну госкапитализма в России. Она сопровождается усилением монополии бюрократических структур и доминированием исполнительной власти. Государство становится все больше. Усиление роли государственного вмешательства в экономику сопровождается злоупотреблением со стороны чиновничества, обеспечивающего в личных целях льготы и привилегии представителям государства и «своим» людям в обход и против воли и интересов общества и граждан. Для полноценного функционирования реальной экономики и действительной реализации прав собственности необходимо полное осуществление принципа правового государства и четкого разделения (по горизонтали и вертикали) властных полномочий. Эту двойственную функцию государства (усиление его регулирующих свойств и опасности злоупотреблений и проведение принципа правового государства) известный американский исследователь Д. Норт назвал «*обоюдострым оружием*» [4, с. 108–119].

В социальной сфере либеральный тренд трансформации экономики не снизил *масштаба социального неравенства, который установился в обществе.*

По версии Forbes, в России в 2013 г. насчитывается 110 долларовых миллиардеров [5]. За последние 10 лет децильный коэффициент, который показывает разницу между средним доходом 10 % самых обеспеченных жителей страны и средним доходом 10 % наименее обеспеченных, по оценке исследователей Всероссийского центра уровня жизни, вырос с 13–14 раз до 16,8 (для сравнения – в Скандинавский странах разрыв составляет 3–4 раза, Германии – 5–6, США – 10). Но это лишь часть проблемы: значительную часть необеспеченных людей у нас составляют *работающие россияне* и семьи с детьми. Это принципиальное отличие России от развитых стран. Там тоже есть бедные люди, но, как правило, это те, кто не могут работать, – пожилые люди, больные, инвалиды. Другой отрицательный фактор – «вымывание» с рынка труда представителей ценных профессий. У нас стал низкооплачиваемым интеллектуальный труд. Среди бедных большую прослойку составляют учителя, врачи, ученые, работники сферы культуры. Такое положение дел, безусловно, демотивирует россиян заниматься интеллектуальным трудом, что ведет к деинтеллектуализации отечественной экономики. Средней руки инженер или учитель переберется в торговлю, хороший специалист будет искать счастья за рубежом. По оценке Института социологии РАН, 15 % работающих россиян с высшим образованием мечтают покинуть страну. И это еще оптимистичный показатель. Нужны механизмы перераспределения доходов. Во всем мире такими механизмами являются прогрессивное налогообложение доходов и налог на роскошь. Согласно исследованиям ИС РАН за 2012–2013 гг. [6] самой острой проблемой для нашей страны остается чудовищный разрыв между бедными и богатыми. Пять-шесть лет назад его включали в число самых нетерпимых проблем 43 % россиян, в 2013 г. – уже 53 %. По своей значимости эта проблема на 17 % опережает в глазах населения противоречия между русским большинством и нерусскими диаспорами (несмотря на все Бирюлевы и Кондопоги вместе взятые). Видимо, именно за «равенство шансов» для бедных и богатых, равные возможности доступа к качественной медицине и образованию, возможности влиять на принятие важных для страны решений без оглядки на толщину кошелька россияне и будут бороться в ближайшем будущем.

Чересчур большое экономическое неравенство ведет к неравенству шансов для участия в политической жизни, что явно противоречит духу демократии. Такое сочетание вряд ли будет способствовать стабильному функционированию общества, так как монополистический государственный капитализм тормозит развитие малого и среднего бизнеса, вытесняя его на периферию экономической жизни. Такое сочетание экономических и социальных моментов

мало способствует развитию конкуренции, открытости и соревновательности групп интересов.

Мир капитализма, как показывает современная практика его существования, не столь един. Он пронизан спором между двумя основными моделями либерального капитализма: рейнской и американской. Германия – яркий пример воплощения рейнской модели, малоизвестной и плохо понятой, действующей от севера Европы до Швейцарии. К этой модели частично примыкает и Япония. Это бесспорно капиталистическая модель: рыночная экономика, частная собственность и свободное предпринимательство здесь являются правилом. Но она вся пронизана социальными идеями и ценностями и покоится на социально-рыночном хозяйстве, которое не допускает в ряд жизненно важных секторов дух наживы и коммерции: сферы образования, культуры, медицины, СМИ и жилье не отдаются полностью на откуп рынку. Так что Лех Валенса, бывший президент Польши, был бы счастлив узнать, что он был не совсем не прав, мечтая об идеальной модели, которая могла бы соединить в себе предполагаемые эффективность и процветание Америки с относительной социальной защищенностью бывшего социализма.

Но в течение последних 20–25 лет американская модель все более укрепляет свои позиции в современном мире. Размышляя о привлекательности неоамериканской версии капитализма, которая неумолимо ведет к социальной поляризации и определенной социальной деградации, западные исследователи подчеркивают, что американский капитализм источает не только дикое очарование джунглей и борьбы за существование. Это также сладкая родовая мечта о легких деньгах, быстро нажитых состояниях, рассказы об успехах, которые привлекают совсем иначе, чем мудрое и терпеливое процветание рейнской модели. Феномен этого притяжения кратко сформулировал социолог Жан Падоло: «Спекулянт одерживает верх над промышленным предпринимателем, легкая нажива, полученная за короткий срок, подрывает коллективное богатство, создаваемое долгосрочными инвестициями». Но Америка в свое время отработала систему тормозов, противовесов и коррективов, которые способствовали смягчению «закона джунглей»: педантичное соблюдение буквы и формы закона, моральные ограничения, внушенные религией, гражданское чувство и дух объединения и пр. И тем не менее, по словам Мишеля Альбера, автора бестселлера 1990-х гг. «Капитализм против капитализма» [7], социальный дуализм влечет за собой усиление социальной напряженности и анархическую, возникающую в отдельных местах «классовую борьбу», о которой в Москве наши младореформаторы в свое время не имели ни малейшего представления. Именно поэтому автор предупреждал, что, будучи экспор-

тируемой в иные социокультурные условия, американская модель окажется более жесткой, менее уравновешенной. Применяемая без предосторожностей, она эквивалентна приему лекарства в лошадиных дозах при отсутствии противоядия, которое могло бы исправить отрицательное действие передозировки.

По мысли участников состоявшегося 26–27 марта 2014 г. II Московского экономического форума, противоречие между виртуальной экономикой, основанной на игре финансовых спекулянтов и их инструментах, и реальной экономикой – центральная проблема мировых социально-экономических процессов, включая Россию. Неустойчивость виртуальной экономики в 6 раз выше, чем реального, производственного сектора. Но самое опасное состоит в том, что она ведет к росту неравенства в доходах, оттоку капитала из страны, избыточному налоговому прессу, замораживанию средств в стабилизационных фондах, разрастанию страховых структур. Реальная промышленность и работающая индустрия являются действенным средством против финансовых спекуляций, застоя и выхода из кризиса. А на пороге – задачи перехода к технологическому укладу, основанному на использовании NBIG конвергентных технологий (нано-био-информационных технологий), которые требуют значительных вкладов в человеческий капитал, роста уровня образования, повышения роли науки, культуры, т.е. перехода на инновационные рельсы развития. Однако политико-экономическая философия, лежащая в основании российской социально-экономической трансформации, не меняется вот уже более 20 лет. Вопрос упирается в политику.

Переход к трансформации, основанной на инновационном типе развития, силами только государства и в интересах только элитных групп, что было присуще большинству догоняющих модернизаций, в современных условиях не только не продуктивен, но и невозможен. Такого рода трансформация требует не урезанной, а полноценной реформы политической системы на основе открытости и соревновательности. Если мы ставим задачу мощного повышения конкурентоспособности России на мировых рынках, то не следует забывать, что конкурентоспособности без конкуренции, в том числе и политической, не бывает.

Таким образом, России необходима политическая модернизация, обновление политической системы, перевод ее на инновационные рельсы развития, формирование и распространение политической культуры, современных и эффективных институтов, методов и практик, способных обеспечивать своевременное и адекватное реагирование системы на динамично меняющиеся параметры современной жизни. Конечная цель политической реформации – сформировать новый тип взаимодействия общества и власти, добиться того, чтобы население могло реально влиять

на управленческие решения на всех уровнях власти. Основное в этом процессе – снять жесткие барьеры между государством и обществом, обеспечить тесное сотрудничество власти и населения. Для этого необходима модернизация соответствующих социальных и политических механизмов и институтов.

Именно поэтому в современном общественном сознании пробивает себе дорогу вторая точка зрения – нам нужна реиндустриализация с ярко выраженной инновационной составляющей, ведущей к «экономике знаний»; в политике мы должны опираться на демократический режим и ценности, основанные на свободе и достоинстве индивида, раскрепощении его творческих способностей, энергии и инициативы. Дальнейшему их развитию препятствует дефицит демократичности, дефицит плюрализма, что является одной из главных проблем российской демократии [8, с. 12].

Исследуя специфику российской политической трансформации, многие исследователи отмечают ее двойственность и противоречивость. С одной стороны, в стране создан необходимый минимум демократических институтов, с другой – налицо постоянные вторжения власти в приватную сферу, нарушения принципа разделения властей и, главное, отсутствие эффективных механизмов поддержания легитимно принятых норм, принуждения к исполнению законов. Попытки осмыслить сложившуюся ситуацию привели к появлению многочисленных работ о «демократии с прилагательными» – постсоветская демократия в них характеризуется как «дефектная», «заблокированная», «нелиберальная» и т.д. [9].

Неустойчивость демократических институтов предопределила достижение режимной консолидации в двух основных формах: олигархического авторитаризма (1996–1999 гг.) и плебисцитарной демократии с сильной исполнительной властью (2000–2007 гг.) [10, с. 3]. Режим олигархического авторитаризма нежизнеспособен, так как продуцирует такие механизмы саморазрушения, как негативная массовая мобилизация, делегитимация власти, сепаратизм в регионах. Режим плебисцитарной демократии с сильной исполнительной властью более устойчив благодаря ограничению давления на систему сил, ее разрушающих, но не способен обеспечить воспроизводство политической системы без лидера, легитимность которого поддерживает функционирование основных политических институтов.

В чем сегодня видятся ограничения для полноценной трансформации в политической сфере? Первое, что следовало бы учесть, оценивая российскую политическую систему, это ярко выраженная персонализация власти. Российская система носит не столько институциональный, сколько персоналистский характер. Вторым ключевым моментом полити-

ческой системы является резкое усиление бюрократии как главного, базового элемента режима, все больше играющего внутри него самостоятельную роль. Эта роль во многом предопределена сформировавшимся экономическим статусом этой группы. Еще одной важной особенностью российского политического процесса является его закулисный, теневой характер. Несмотря на, казалось бы, внешнюю открытость, реально этот политический процесс переместился сегодня в «тень», протекает внутри не видимых на поверхности теневых структур власти. В свое время малоизвестный в России, но очень популярный в Западной Германии теоретик и практик системы конкурентного экономического порядка и авторитетный поборник рыночного хозяйства Вальтер Ойкен предупреждал, что если нет конкурентного порядка, то будет государственно-мафиозный порядок [11, с. 29–30]. Другими неблагоприятными для системы факторами выступают всевластие и фактические бесконтрольность и безответственность бюрократии, порождая безудержную коррупцию, резко снижая эффективность всей системы управления. Борьба с коррупцией введена в число приоритетных, но итоги пока неутешительны. По данным Transparency International [12, с. 2], ежегодный совокупный доход российских коррупционеров – около 300 млрд долларов, что составляет примерно четверть ВВП. В мировом рейтинге восприятия коррупции Россия за 2013 г. на 127-м месте из 177 среди стран несопоставимо менее обеспеченных (Пакистан, Никарагуа, Мали и пр.). Россия прочно застряла в нижней части списка.

Следующий фактор тормозящего свойства – кадровая политика. Кадровый состав бюрократической верхушки определяется в значительной степени по все тому же персоналистскому принципу: личного знакомства, землячества, корпоративной принадлежности, личной лояльности. Как известно, «скамейку запасных» при Путине пополняли два источника, во многом совпадавших, – «питерцы» и «чекисты». «Когда во власти оказывается множество бывших сокурсников, сослуживцев и земляков первого лица, – иронизирует один из политических публицистов, – невольно возникает вопрос: что это – невероятная концентрация талантов или просто ориентация на “своих”, лично преданных и пр.? Вопрос, впрочем, риторический». И заключает: «Ориентация на “своих” приводит к закупорке механизма обновления власти и ее, грубо говоря, гниению» [13, с. 15].

Существенным ограничением на пути политической и системной трансформации является неготовность самого общества и его активных субъектов к масштабным преобразованиям. Если задаться вопросом: «А существует ли субъект колоссальных модернизационных проектов, готово ли общество или какая-либо из его социально значимых групп к тако-

го рода стратегическим усилиям?», то ответ будет скорее отрицательным. Как показывают системные социологические исследования, пока его в массовых слоях общества нет, поскольку мы имеем дело с незавершенностью социальной модернизации эпохи «модернити». Для задач модернизации это означает фактическое отсутствие в массовых слоях населения готовности действовать сообща и отстаивать свои интересы. Так, с позицией: «для того, чтобы добиться чего-то важного, следует действовать сообща, вместе с другими, у кого те же проблемы», – из года в год соглашается половина респондентов. И практически столько же (48–50 % в разные годы) соглашались с тем, что отстаивать свои интересы можно, только рассчитывая на собственные силы. В результате вместо осуществления каких-либо действий для отстаивания своих групповых интересов большинство населения просто ждет, что государство по доброй воле учтет их пожелания. Это говорит о том, что пока в России в массовых слоях населения так и не произошло формирования групп интересов [14, с. 44]. Иными словами, мы имеем дифференциацию общества, плюрализацию интересов составляющих его групп и отдельных индивидов, даже осознание этой плюрализации, но это пока не привело к осознанию большинством россиян общности своих интересов с интересами конкретного социального класса или иных социальных групп макроуровня и попыткам солидарно отстаивать эти интересы с использованием соответствующих институциональных возможностей. А ведь именно это, собственно, и является основой гражданского общества, которое возникает там и тогда, где и когда осознание плюрализма интересов членов общества доходит до осознания общности собственных интересов с интересами других социальных групп и совместными выступлениями в их защиту. При такой ситуации огромная ответственность ложится на качество государственного управления, способность политического класса подчинить действия бюрократии целям стратегического развития страны для того, чтобы она из инструмента управления не превратилась в управляющую силу.

Не вызывает сомнения, что особая креативная роль в реализации и продвижении процессов политической трансформации принадлежит государству. Но какому? Политическая реформация требует в этом случае, как минимум, *эффективного государства*. А создание условий для решения этой задач невозможно без перехода к новому качественному состоянию государственного управления, основанному на логике постбюрократического развития, «менеджменте согласия», выстраивании коммуникации на основе парадигмы теории политических сетей, включающих жесткость дихотомии «*господство–подчинение*». Согласно данным Всемирного рейтинга

глобальной конкурентоспособности России за 2013 г. качество государственного управления у нас ухудшилось [15, с. 22]. Исследовательская мысль все больше задается вопросом, возможно ли перейти к алфавиту «нового менеджмента» в переходных странах, которые еще не смогли успешно внедрить традиционную веберовскую бюрократию [16, с. 325–335]. Контролируемая только «сверху» бюрократия не может быть никакой другой, кроме как традиционной, служащей не столько делу, сколько лицам (поскольку и внутри ее корпорации действует на всех уровнях иерархии принцип персонификации власти), преследующей в первую очередь свои собственные, корпоративные и личные, интересы. Безусловно, можно согласиться с тем, что слабая рационализация деятельности госслужбы и ее неэффективность, высокая степень коррумпированности, равно как и неудовлетворительное качество гражданского общества, неспособного взять на себя выполнение ряда функций государства, затруднили и в конечном счете привели к неудаче реализацию административной реформы в России. Думается, одной из наиболее существенных причин неудач стала «недостаточная концептуальная проработанность модели административной реформы применительно к условиям России и в частности вопроса о роли и функциях современного государства» [17, с. 31]. В то время, когда все современные развитые государства переходят к новым, современным функциям государства в связи с ростом требования населения к качеству жизни и переходом общества к новой ступени развития – информационному обществу, мы застряли на упрощенной, минималистской трактовке государства как репрессивном аппарате, всячески гипертрофируя его традиционные функции – поддержание внутренней и внешней безопасности, административное и общее политическое управление. В контексте стратегических задач инновационного прорыва современной России к новым горизонтам развития ключевыми становятся именно современные функции государства: политика государства в таких сферах, как образование, здравоохранение, социальное обеспечение, фундаментальная наука. Ключевое условие, предпосылка и инструмент создания «экономики знаний» – качество человеческого потенциала, развитие которого является исключительной прерогативой государства. Обеспечение его всем необходимым входит в исключительную функцию государства [18, с. 3]. Между тем в современной России переход к инновационному пути развития понимается все больше как технологический рывок, обеспечение которого возможно путем традиционной административно-бюрократической мобилизации и перестройки. Именно в этом контексте можно рассматривать активизировавшиеся в начале 2004 г. реформы, предполагавшие широкомасштаб-

ную маркетизацию социальной сферы и фактическое сокращение ее государственного финансирования. Речь идет, прежде всего, о непродуманной системе монетизации льгот, реформе здравоохранения, которая все больше становится коммерческой, науки (не прекращаются попытки разрушения сложившейся системы академической науки, которая бедствует), культуры (репертуарные театры должны быть сняты с бюджетного довольствия) и образования, реформа которого привела к существенным «откатным» процессам в качестве образования. По сути, социальные реформы, как они осуществлялись в России, означали уход государства из социальной сферы. Сегодня очень остро стоит вопрос о пределах коммерциализации сфер здравоохранения, образования, науки, культуры. В контексте упомянутых тенденций неудивительно отставание страны по целому ряду ключевых для развития страны показателей. Так, по индексу человеческого развития Россия в 1992 г. занимала 34-е место, в 1999 г. – 55-е место, сейчас 66-е. По качеству образования наша страна во времена СССР входила в тройку ведущих государств, сейчас мы занимаем 41-е место. Согласно данным Левада-Центра 2/3 населения страны не могут позволить себе качественной медицины. В целом, вложение в человеческий капитал у нас в 2 раза ниже, чем в развитых странах. В качестве значимых причин отставания страны в этой сфере в 2011–2013 гг. многие эксперты называют реорганизацию системы образования, культуры, науки и административную реформу [19, с. 5]. Современная Россия, если хочет сойти с орбиты отстающего развития, консервирующего бедность, социальную поляризацию и традиционализм, просто обречена на существенную социальную коррекцию преобразований.

Альтернатива бюрократической стабилизации, воплотившаяся в укреплении сверх меры «вертикали власти», видится в выявлении иных центров влияния на трансформационное поле. И такой центр обнаруживается только в структурах гражданского общества, в реанимации процессов самоорганизации и самостоятельности общества. Ведь чем более аморфным и несамостоятельным оно было, тем большее число организационных и трансформационных задач ложилось на государство. Такое общество не только было не в состоянии осуществлять контроль за государством, но и не могло обеспечивать ему обратную связь. Между государством и обществом не возникало динамического равновесия и эффективных институциональных каналов взаимодействия, которые позволяли бы своевременно преодолевать появлявшиеся противоречия как внутри государства и общества, так и между ними. В итоге Российское государство стало обладать очень слабой внутренней трансформационной способностью и периодически разрушалось под гнетом собственного всемогущества и одновременно бессилия.

Весьма показательно, как по оценке населения наша политическая система все дальше «дрейфовала» за прошедшие «нулевые» годы от демократического стандарта. С учетом этого «дрейфа» станет понятно, почему столь сложно и амбивалентно чувствуют себя институты гражданского общества. В приводимой ниже таблице показано распределение мест в соответствии с оценками, дававшимися населением страны 17 различным институтам в начале первого президентства В. Путина (2001 г.), второго президентства В. Путина (2005 г.) и в начале президентства Д. Медведева (2010 г.). Ответы отранжированы в соответствии с порядком, который дало их распределение в 2001 г. [20].

Т а б л и ц а

Распределение мест среди институтов

Институты	Годы		
	2001	2005	2010
Президент	1	1	1
«Олигархи», банкиры, финансисты	2	2	3
Правительство	3	6	2
СМИ	4	4	8
Губернаторы	5	8	9
Директора крупных предприятий	6	10	14
Вооруженные силы	7	7	6
ФСБ	8	3	5
Совет Федерации	9	13	10
Церковь	10	11	12
Президентская администрация	11	5	4
Прокуратура	12	9	7
Государственная Дума	13	14	13
Судебные органы	14	12	11
Политические партии	15	15	15
Интеллигенция	16	16	16
Профсоюзы	17	17	17

Наиболее важную роль россияне приписывали и приписывают Президенту. Во все три момента эта фигура занимала 1-е место. Наименьшее значение в России имели такие институты, как политические партии, интеллигенция и профсоюзы. Во всех трех замерах они стабильно занимали три последние места. Следует отметить, что роль «Единой России» – организации, созданной для исполнения функции «партии власти», – россияне считают существенной. Но эту организацию они, очевидно, не считают политической партией в общепринятом смысле слова. Роль же собственно партий, как видно, считают незначительной. Парламент, где в принципе должны быть представлены политические партии, также оценивается невысоко. И Государственная Дума (нижняя палата), и Совет Федерации (верхняя палата) в течение всего периода измерений занимают места в конце первого – начале второго десятка. За указан-

ный период упала роль губернаторов (ушли с 5-го на 9-е место), директората (с 6-го на 14-е), СМИ (с 4-го на 8-е место). Зато резко выросла роль президентской администрации (переход с 11-го на 4-е место), родной для В. Путина ФСБ (с 8-го на 5-е место), прокуратуры, которая в этот период стала основным карательным институтом (с 12-го на 7-е место). Можно отметить некоторый рост авторитета церкви. Как видим, инструменты, которыми общество может влиять на власть, теряют значение в его собственных глазах, а инструменты, с помощью которых власть может управлять обществом, напротив, резко прибавляют. Не удивительно, что у нас примерно 61 % граждан убеждены, что они не могут влиять на деятельность людей (2 года назад таких было 69 %).

И все-таки за прошедшие годы в России стал формироваться более высокий и осознанный интерес к социально-политическим процессам и гражданскому участию. Он связан со вступлением в активную фазу молодого постсоветского поколения и появлением среднего класса. В 2007 г. только 27 % молодых россиян интересовались политикой в возрасте от 18 до 24 лет, сейчас уже 37 %. В когорте 25–34-летних картина схожая: 37 и 46 % соответственно. Доля «политических пофигистов» в среде молодых россиян сократилась на 10–11 %. Да и старшее поколение не отстает: интерес к политике проснулся у 63 % (против 47 % в 2007 г.). Молодежь, составляя ряды среднего класса, научилась зарабатывать деньги, но не может себя самореализовать. Особенно часто подобное ощущение возникает у представителей так называемого «креативного класса»: благополучным, квалифицированным, полным сил людям некуда двигаться вверх по карьерной лестнице: «социальные лифты» затромбированы, все места распределены. Сложно приходится и совсем молодым россиянам, которым крайне трудно найти постоянную и стабильную работу – поэтому они «по-бразильски» перебиваются случайными и краткосрочными заработками. Это особенно характерно для Москвы и других мегаполисов. Именно молодежный, поколенческий сдвиг привнес в общественное сознание возрождение спроса на либеральные идеи. По данным исследований Е. Б. Шестопал, ни одна политическая идеология не получила такого роста сторонников, как либералы. Если посмотреть предыдущие замеры, то они достигли своего исторического максимума – с 7 % в 2003 г. до 20,4 % в 2013 г. Левый спектр взглядов (социалисты, коммунисты) составляет в целом 16,9 % [21]. Это сопоставляется и с данными ИС РАН. Исследователи отмечают рост интереса к гражданскому участию в выборах, особенно в формате наблюдения за чистотой процедуры голосования. Из тех россиян, кто напрямую был связан с проведением и организацией предвыборных кампаний, 13 % готовы сейчас выдвигать-

ся в депутаты, 14 % – войти в состав избирательных комиссий, 10 % – работать агитаторами и сборщиками подписей. Но больше всего – до 16 % – выросло число тех, кто готов работать на выборах наблюдателями [22]. Изменилась с лучшей стороны и мотивационная составляющая гражданских активистов: по сравнению с 2005 г. мотивы таких активистов стали во многом иными. Существенно, что почти вдвое (с 25 до 45 %) выросло число людей, которые участвуют в политической жизни страны не ради личных интересов и даже не в пику властям, а во имя общего блага, чтобы изменить жизнь к лучшему. Именно молодой сегмент гражданского общества формирует уже рациональный формат отношения к политическим процессам и впервые начинает говорить о неэффективности власти, хотя большая часть гражданского общества ждет от власти справедливости, и ее требования носят скорее морально-нравственный, нежели политический характер. Эти люди готовы подчиняться, выполнять законы, и для них государственность является наивысшей ценностью при условии, что власть справедлива и отзывчива. Есть и третий сегмент гражданского общества, который пока находится в латентном состоянии и лишь эпизодически дает о себе знать то выступлениями на Манежной площади, то в Кондопоге и Сагре, то в Бирюлеве, – это радикальный национализм разного толка. Их протест основан не на интересах, а на эмоциях, причем психологически весьма ярких и привлекательных для массы населения, которая пока сохраняет лояльность власти. Прошедший электоральный цикл позволил власти в целом удержать в стабильном состоянии политические процессы, пойти на определенные реформы политической системы. Но процесс преобразований, думается, пока не завершен. В целом, системная трансформация может стать успешной лишь при наличии двух общенациональных институтов, которым под силу направить этот процесс в безопасное для общества русло. Речь идет, с одной стороны, об «эффективном государственном аппарате, строящемся на принципах профессионализма, идеологической нейтральности, понимания реформируемого социума как системной целостности (любые изменения должны соотноситься с интересами значимых сил данного макрообразования); с другой стороны – о политической партии, представляющей широкий набор общественных сил, обладающих определенным набором общих интересов и готовых совместно работать над модернизационным проектом» [23, с. 144]. Только этот вариант исключит логически вытекающую из насильственного навязывания «сверху» десинхронизацию общества и власти, элиты и народа, которая может привести к масштабным социальным конфликтам.

Таким образом, обращение к истории многократных полуудачных российских попыток модернизации

должно показать, что для нашей страны традиционным является подход к реформам в стиле однобоких «преобразований сверху», эффективность которых неуклонно падает. Необходимое всестороннее обновление российского общества может состояться лишь при активной поддержке и участии гражданского общества, полноценное формирование которого само является частью искомой модернизации (отвечает задачам накопления социального и человеческого капитала). В частности, без энергичного участия структур гражданского общества невозможно сколько-нибудь серьезно ограничить разъедающую страну коррупцию, которая способна сорвать любые попытки модернизации. Только развитое гражданское общество может, как показывает опыт продвинутых в инновационном развитии стран, стать прочной базой демократии, без которой будет невозможно сломать все преграды на пути решительной модернизации России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ядов В. А. Модернизация, переход или трансформация? / В. А. Ядов // Россия : трансформирующееся общество. – М. : Канон-пресс-Ц, 2001.
2. Заславская Т. И. О социальном механизме посткоммунистических преобразований в России / Т. И. Заславская // Социс. – 2002. – № 8.
3. Симония Н. О роли государства в общественном развитии : Запад versus западные модели / Н. Симония // Социально-экономические проблемы переходного общества : из практики стран СНГ. – М. : Наука, 2000.
4. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – М. : Фонд экономической книги «Начала», 1997.
5. Россия : социальное неравенство возрастает. Аналитический медиапортал «Мир безопасности». – Режим доступа: <http://id-mb.ru/news/russia/3451/>
6. Аналитический доклад «Бедность и неравенство в современной России: 10 лет спустя». – М. : ИС РАН, 2013. – Режим дорступа: http://www.isras.ru/analytical_report_bednost_i_neravenstva.html
7. Альбер М. Капитализм против капитализма / М. Альбер. – М. : Дело, 1999.
8. Макаренко Б. И. Политическое измерение российской модернизации / Б. И. Макаренко // Модернизация и политическое развитие России на современном этапе : материалы Междунар. науч. конф. – М. : Изд-во РАГС, 2010.
9. Diamond L. The End of the Third Wave and the Global Future of Democracy / L. Diamond. – Wien, 1996.
10. Бродовская Е. В. Трансформация политической системы современного российского общества : институциональные и социокультурные составляющие : автореф. дис. ... д-ра полит. наук / Е. В. Бродовская. – Тула, 2008.
11. Ойкен В. Основные принципы экономической политики : пер. с нем. / В. Ойкен. – М. : Прогресс, 1995.
12. Неутешительные итоги года // Независимая газета. – 2011. – 15 янв.
13. Кива А. Какой режим формируется в России? / А. Кива // Свободная мысль. – 2007. – № 12.
14. Горшков М. К. Аналитический доклад «Готово ли российское общество к модернизации?» / М. К. Горшков. – М. : ИС РАН, 2010.
15. Иванова Н. Как оценить эффективность инновационной политики? / Н. Иванова // Инновационное развитие регионов. – М. : ТПП-Информ, 2009.
16. Барабашев А. Г. Совершенная бюрократия и «новый менеджмент» : альтернатива, синтез или новый подход? / А. Г. Барабашев // Модернизация экономики и государство : в 3 кн. / отв. Е. Г. Ясин ; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. – Кн. 1.
17. Гаман-Голутвина О. В. Меняющаяся роль государства в контексте реформ государственного управления : отечественный и зарубежный опыт / О. В. Гаман-Голутвина // Полис. – 2007. – № 4.
18. Бендина Н. Россия превращается в гибрид Венесуэлы с Бирмой / Н. Бендина // RBCDaily. – 2005. – 12 мая.
19. Ваганов А. В технологическом тупике / А. Ваганов // Независимая газета. – 2006. – 14 апр.
20. Левинсон А. Российское общественное мнение в начале 2010 г. / А. Левинсон. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/institutes/2010/03/01/levada.html>
21. Шестопал Е. Б. Политическая полиментальность в современной России / Е. Б. Шестопал. – Режим доступа: http://www.ng.ru/ng_politics/2013-03-19/11_shestopal.html
22. Как по-русски «демократия»? // Рос. газета. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/01/10/demokratia.html>
23. Володин А. Г. Россия : трудности межстадиального перехода или кризис цивилизации / А. Г. Володин // Политические исследования. – 2003. – № 5.

Институт социологии РАН

Никовская Л. И., доктор социологических наук, главный научный сотрудник

E-mail: nikovsky@inbox.ru

Тел.: 8 (495) 789-21-08

Institute of Sociology RAS

Nikovskaya L. I., Doctor of Sociological Sciences, Head Researcher

E-mail: nikovsky@inbox.ru

Tel: 8 (495) 789-21-08